

ДНАЖДЫ СЛУЧИЛАСЬ ТАКАЯ ИСТОРИЯ.

Жил очень богатый торговец. Жил он в роскошном доме вместе с тремя горячо любимыми дочерьми. Звали его Эрнст Фортьюн, или, правильнее, Эрнст Иеремия Августус Фортьюн, эсквайр, купец. Так было написано на его визитной карточке.

Мистер Фортьюн был очень успешным дельцом и имел две любимые поговорки: «Чья фамилия Фортьюн, тот от природы богат», — эту он произносил с широкой улыбкой на устах, и в уголках его глаз собирались веселые морщинки, а рука, засунутая в карман сюртука, позвякивала монетами. Вторая же поговорка была такая: «Я ни в чем не могу отказать своим дочерям». При этих словах купец обычно воздевал руки вверх и склонял голову с таким довольным выражением на лице, что было ясно: об этом своем «недостатке» он сожалеет меньше всего. Мистер Фортьюн не мог бы любить своих доченек больше, но каждую любил по-своему. Так сказал бы вам он сам, доставая из кармана бесценные фотокарточки, которые всегда носил с собой и готов был показывать всякому, кто интересовался ими, и даже тем, кому до них не было никакого дела.

— Вот это Гертруда, — говорил купец, — моя старшенькая. Очаровательная девушка: уйма веселья, любит украшения, с деньгами совсем не умеет обращаться, — избаловал я ее. — И если бы вы взгляделись в фотографию Гертруды чуть внимательнее, мистер Фортюн, вероятно, указал бы вам на красивое бриллиантовое ожерелье у нее на шее и прекрасные серьги с изумрудами у нее в ушах. — Ну, скажу вам, обошлось мне это недешево, — говорил он с гордостью, — но (и вы знаете, что следовало дальше) просто не могу ни в чем отказать своим девочкам!

При этом вы могли бы подумать, что Гертруда действительно выглядит немного избалованной и не слишком благодарной, но мистер Фортюн уже передавал вам следующую карточку.

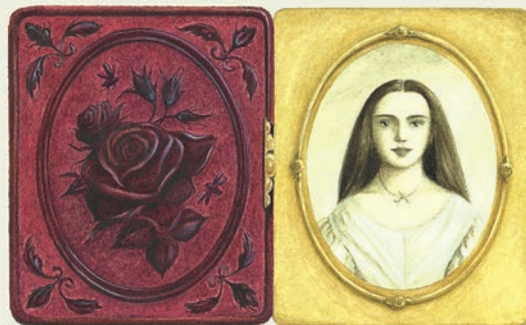
— Гермиона, — говорил он. — Милейшая барышня, умопромрачительная девушка! Сама не своя до новой одежды: самой модной и жутко дорогой, — никогда ей не отказывал. — И если вы задерживали взгляд на портрете Гермионы чуть дольше, мистер Фортюн показывал вам блестящее шелковое платье, в которое была одета девушка, и впечатляющих размеров шляпу. — Ободрали как липку, — со счастливой улыбкой говорил торговец, — да что я мог поделать?

И тут вы могли бы решить, что Гермиона и правда выглядит скорее вздорной и излишне роскошно одетой, но мистер Фортюн двигался дальше.

— Бьюти, — начинал он представление третьей дочери, но тут совершенно неожиданно голос его пресекался,

глаза увлажнялись, и по пухлой розовой щеке купца катилась слезинка. Он на мгновение замолкал, будто собирался с духом, и тихо добавлял: — Всегда напоминает мне ее несчастную мать, мою дорогую покойную супругу. — После чего храбро улыбался и громко сморкался в платок, а вы тем временем немного пристальнее всматривались в фотографию Бьюти.

Это была девушка такой простой лучащейся красоты, что у вас перехватывало дыхание. Не было на ней ни дорогих украшений, ни роскошных тканей, на которые мог бы указать мистер Фортюн, — ей это было не нужно. Кожа Бьюти была гладкой, как жемчуг, волосы блестели, как шелк, а смеющиеся глаза прямо-таки сияли, полные жизни и тепла — щедрого, как солнечный свет.

— Сокровище, — говорил вам мистер Фортюн, — добрейшая душа, балует меня, никогда ничего не просит. Люблю покупать ей подарки, но она мне не позволяет. Это неважно, она все равно выглядит сказочно. У кого имя Бьюти, тот от природы красив, полагаю, так чего еще желать.

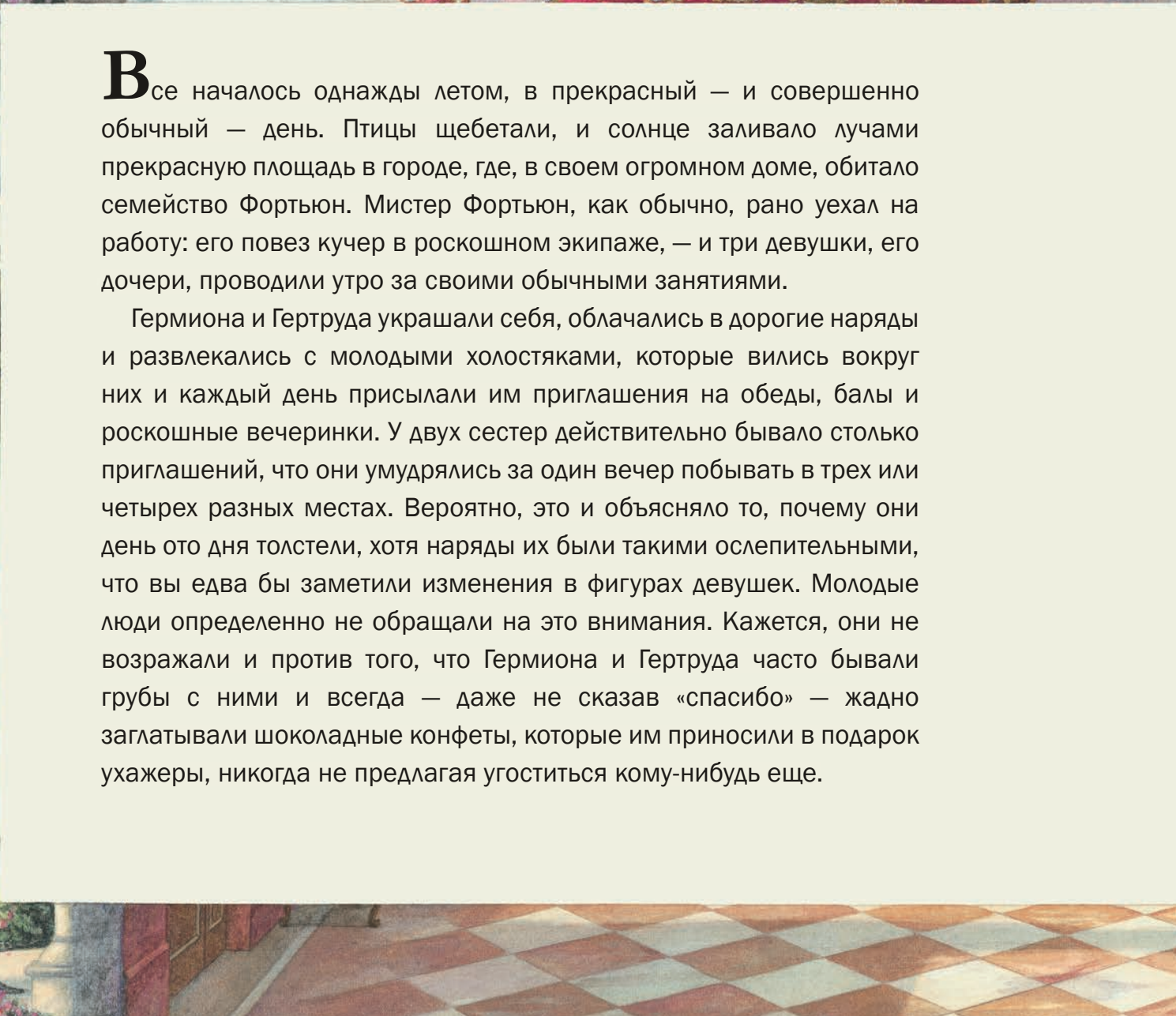
И это, — могли подумать вы, — стоило дороже всех богатств мира, потому что, имея трех таких любимых дочерей, мистер Фортюн мог смело смотреть вперед, навстречу длинной, счастливой, обустроенной и беззаботной жизни.

Но здесь вы бы ошиблись, потому что внешнее впечатление часто бывает обманчивым. Вот тут-то наша история и начинается по-настоящему...

Все началось однажды летом, в прекрасный — и совершенно обычный — день. Птицы щебетали, и солнце заливало лучами прекрасную площадь в городе, где, в своем огромном доме, обитало семейство Фортюн. Мистер Фортюн, как обычно, рано уехал на работу: его повез кучер в роскошном экипаже, — и три девушки, его дочери, проводили утро за своими обычными занятиями.

Гермиона и Гертруда украшали себя, облачались в дорогие наряды и развлекались с молодыми холостяками, которые вились вокруг них и каждый день присылали им приглашения на обеды, балы и роскошные вечеринки. У двух сестер действительно бывало столько приглашений, что они умудрялись за один вечер побывать в трех или четырех разных местах. Вероятно, это и объясняло то, почему они день ото дня толстели, хотя наряды их были такими ослепительными, что вы едва бы заметили изменения в фигурах девушек. Молодые люди определенно не обращали на это внимания. Кажется, они не возражали и против того, что Гермиона и Гертруда часто бывали грубы с ними и всегда — даже не сказав «спасибо» — жадно заглатывали шоколадные конфеты, которые им приносили в подарок ухажеры, никогда не предлагая угоститься кому-нибудь еще.

Но Гермiona и Гертруда были так богаты (а молодым людям так хотелось жениться на столь завидных невестах), что никакая грубость не могла отвратить их поклонников.

Пока сестры развлекались, Бьюти бегала вверх и вниз по лестницам каждый раз, как звонил звонок, и открывала дверь посетителям. Гермiona и Гертруда ни разу не поблагодарили ее за это. И тем не менее Бьюти искренне радовалась, видя, что старшие сестры так популярны, — хотя ей хотелось, чтобы кавалеры не были так откровенно заинтересованы в их богатствах. Бьюти была еще слишком юна, чтобы иметь поклонников, но в любом случае в сердце ее уже созрела решимость не выходить замуж из-за денег, — только по любви. Она мечтала о том дне, когда ее сердце сразит какой-нибудь невероятно красивый молодой ухажер: принц среди мужчин (и, вполне вероятно, к тому же настоящий принц). Бьюти не сомневалась, что скоро этот день настанет: она прочитала достаточное количество любовных историй, и все они кончались замужеством с принцем и счастливой жизнью после этого. А ведь никогда не знаешь, в какой момент принц появится у твоих дверей...

Ну разумеется, реальная жизнь не всегда оказывается такой, как в книгах, но Бьюти была молода, романтична и полна мечтаний. Так что вы можете представить себе ее изумление, когда однажды днем в очередной раз прозвенел звонок, она в очередной раз побежала отворять дверь, полная своих тайных надежд на любовь, и обнаружила на крыльце своего отца. По крайней мере, она предположила, что это отец, но ей потребовалось мгновение, чтоб опознать его.

За несколько часов отсутствия мистер Фортюн совершенно переменялся, будто внезапно постарел на много лет. Он как-то весь сжался: словно перед Бьюти стоял не отец, а его призрак. Мистер Фортюн выглядел бледным, усталым и осунувшимся. Бьюти даже испугалась, как бы он не упал на ступеньки прямо у нее на глазах.

— Папа... — выдохнула она, взяла его за руку и проводила до ближайшего кресла, в которое он не сел, а скорее даже упал. Бьюти тем временем крикнула сестрам, чтобы те быстро спускались вниз. Молодые люди в спешке покидали дом, принося извинения и отводя глаза, будто что-то ужасно постыдное или заразное могло передаться им, если они задержатся.

— О, мои дорогие девочки... — простонал мистер Фортюн, когда все три дочери наконец собрались вокруг него. — У меня для вас ужасные новости.

И он рассказал им все...

Наступал вечер, и вместе с ним семейство Фортюн погружалось во мрак. В конторе у купца был день катастроф. Пожар спалил его

склады с товарами, шторм потопил корабли. Все было потеряно за считанные часы: его предприятие развалилось, сбережения пропали, и он задолжал больше, чем мог выплатить!.. Одним словом, он потерпел полный крах, и фамилия Фортюн превратилась в жестокую насмешку. Для того чтобы расплатиться с кредиторами, они должны продать дом, прекрасные картины и мебель, одежду и украшения — со всем этим необходимо расстаться, причем в очень короткий срок. Им придется покинуть город буквально на следующий день и подыскать себе дешевое жилье где-нибудь в деревне.

— Но что же будет с нами?! — восклицали Гермиона и Гертруда. — О, отец, как ты мог?!

Мистер Фортюн в безмолвном страдании покачал головой, а Бьюти обвила его шею руками.

— Не волнуйся, папа, — сказала она. — С нами все будет хорошо.

— Не будь смешной, ты, маленькая дурочка! — злобно прошипела Гермиона. — Ничего хорошего больше не будет.

На следующее утро, — когда несчастные Фортюны покидали город в одинокой, печальной повозке, влекомой их самой старой хромой лошадью, — не видно было ни одного обожателя, который помахал бы им вслед рукой. Не было и солнца, которое согрело бы путников: день выдался серый и мрачный, с колючим ветром, который задувал так, будто за одну ночь лето превратилось в суровую зиму. Бриллианты не сверкали, и тонкие шелка не шуршали — только одно тонкое одеяло прикрывало несчастных скитальцев, да слышалось непрерывное хныканье Гермионы и Гертруды.

Три холодных дня и еще более холодные ночи Фортюны провели

в пути, удаляясь от города и продвигаясь все дальше вглубь сельской местности. Это была ужасная поездка по каменистым пустошам, ухабистым раскисшим дорогам под бесконечным проливным дождем. Сквозь приоткрытые ставни на горемык глазели угрюмые, подозрительные личности; злые собаки гнались за ними. Наконец, изможденные дорогой, голодные и промерзшие до костей они нашли место, где остановиться. Это был маленький сельский домик с покато́й крышей и садом, заросшим сорняками и колючками. Но разве это имело значение, когда они все так устали, что не могли больше сделать ни шага, — а дом, казалось, манил их, словно был их собственным.

Но домом это место стало далеко не сразу. Прошли недели и месяцы, прежде чем Фортьюнам удалось, приложив немало стараний, наладить свою новую жизнь. Гермiona и Гертруда все время ворчали, им не нравилось быть бедными, они отказывались пачкать руки. А вот Бьюти много работала, чтобы помочь отцу, и скоро в доме стало чисто и тепло, сад тоже был приведен в порядок и засажен новыми растениями. Лошадь поместили в конюшню, и пищи им всем хватало. Однако каждый вечер, когда отец и его дочери садились у очага, над семейством Фортюнов нависала мрачная тишина, ведь горькая правда состояла в том, что ни один из них не был здесь счастлив.

Гермiona и Гертруда, разумеется, ненавидели эту новую жизнь. Как мог их отец быть таким себялюбивым и глупым, чтобы потерять все деньги? Что теперь станет с ними?! Почему они не могут иметь любимых нарядов и украшений? Неужели он не понимает, сколько вечеринок они уже пропустили?!

Мистер Фортюн тоже был несчастен. Ему очень хотелось порадовать дочерей чудесными сюрпризами, но какие уж тут сюрпризы, если в кармане ни пенни. Раньше он не мог отказать своим девочкам, теперь же не мог сказать им «да». Гермiona и Гертруда день ото дня становились все несдержаннее. Даже Бьюти, милая, добрая Бьюти, хоть и работала усердно, стараясь не падать духом, иногда не могла скрыть печали, — и это было для мистера Фортюна самым тяжелым испытанием.

Ведь Бьюти грустила. Конечно, ей было жаль отца и сестер, но причина ее тоски крылась не только в этом. Дом был хороший, жизнь в деревне довольно приятна, и работа ей не в тягость; но, ох-хо-хо, как же тут было тихо и одиноко. Ничего никогда не происходило. Посетители не появлялись, дверной звонок не звенел, и открывать дверь с тайной надеждой, что тебя сразят наповал, и ты перевернешься вверх тормашками от любви, было решительно некому.

Месяц проходил за месяцем, и Бьюти становилось все яснее: никакой красивый молодой принц никогда не придет и не постучит в дверь их маленького домика.

Так что однажды утром — это случилось через год после того катастрофического дня, когда они покинули город — вниз по ступенькам к входной двери сошла довольно-таки несчастная Бьюти. Однако обнаружилось, что из города им доставили письмо с удивительными и неожиданными новостями: в порт пришел корабль, который считали затонувшим, и какая-то часть груза, возможно, принадлежит мистеру Фортюну. Они снова будут богаты! Мистер Фортюн мигом собрался в путь, расцеловал дочек на прощание и пообещал привезти каждой прекрасный подарок.

— Ш-ш-шелка... — прошелестела Гермиона, вне себя от восторга.

— Ж-ж-жемчуга... — прожужжала Гертруда, едва способная говорить от счастья.

— А ты, Бьюти? — спросил мистер Фортъюн, оборачиваясь к своей младшей дочери.

Но того, о чем мечтала Бьюти, не купишь.

— Спасибо, мне ничего не нужно, — пробормотала она, — только вы возвращайтесь поскорее.

— Это я сделаю, — ответил мистер Фортъюн. — Но, ничего? — В его голосе звучала печаль, ведь он понимал: дочери стали несчастными. — Скажи же. Я привезу тебе все, что захочешь.

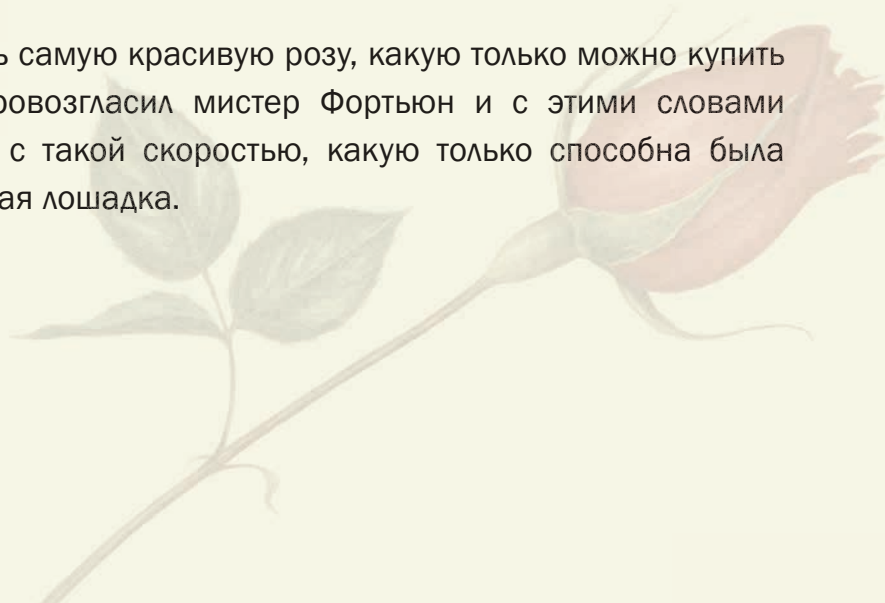
«Я бы хотела принца», — про себя подумала Бьюти, а потом подняла взгляд, ей стало стыдно, что она невольно расстроила отца: он так любил дарить подарки. Бьюти спешно пыталась придумать что-нибудь — что угодно.

— Простите, отец. Если вас это порадует, я бы хотела получить розу. Они здесь не растут, и я по ним очень скучаю.

Сестры едва могли скрыть возмущение.

— Какая глупая трата денег! — злобно перешептывались они. — Ну и сестрица у нас, строит из себя святошу. Что за игру она затеяла? — Но они не посмели ничего сказать при отце, а он был взволнован.

— Ты получишь самую красивую розу, какую только можно купить за деньги! — провозгласил мистер Фортъюн и с этими словами тронулся в путь с такой скоростью, какую только способна была развить его старая лошадка.

Однако, добравшись до города, мистер Фортюн обнаружил, что дела обстоят не так, как он рассчитывал. Он все еще был в долгах, и груз с корабля забрали, чтобы выплатить причитающееся кредиторам. Так что, несмотря на все его отчаянные усилия, через несколько дней он отправился домой с пустыми руками и таким же бедным, как был.

Поездка выдалась утомительная, мистер Фортюн находился в тридцати милях от дома и не мог дождаться встречи с дочерьми. Беспокоило его только одно: как он поделится с ними дурными вестями? Но тут наступила ночь, задул ледяной ветер, и поднялась ужасная метель. Мистер Фортюн решил искать убежища в лесу, но погода была такая ненастная, а деревья росли так густо, что вскоре он совершенно заблудился. Выбившись из сил, он пригнулся к шее лошади как можно ближе; заиндевелые ветви деревьев хлестали его при каждом шаге животного. В жутком реве ветра пропащему путнику слышались завывания волков, жадно круживших где-то

рядом в ожидании момента (не такого далекого), когда седок упадет с лошади и замерзнет в снегу.

Казалось, надежды нет... Но вдруг несчастный всадник заметил едва пробивавшийся сквозь лесную чащобу далекий мерцающий огонек. Мистер Фортюн слез с лошади и, спотыкаясь, пошел на него. Деревья постепенно расступались, свет становился ярче, пока мистер Фортюн внезапно не вышел из леса. И вдруг, в одно прекрасное мгновение, колючий ветер стих и неподвижный холодный воздух наполнился теплым запахом тысяч апельсиновых деревьев. Их плоды, подобно маленьким солнышкам, сверкали на деревьях, отражая свет, потоками лившийся от гигантского дворца, каждое окно которого — от самого верхнего до самого нижнего — ослепительно ярко горело.

Мистер Фортюн удивленно тарачился на это чудо, а лошадка его тем временем топталась по мягкому белому снежному ковру, который скрадывал все звуки.

Мистер Фортюн снова оседлал своего конька, пересек заснеженную равнину и оказался в длинной аллее, все деревья которой были увешаны колокольчиками и фонариками. Потом он ехал по аккуратным лужайкам, мимо цветочных клумб, мимо живых изгородей, подстриженных в форме сказочных зверей, которые выглядели как живые, — и повсюду в этом чудесном месте распевали птицы, словно приветствуя гостя.

Сам дворец оказался слишком большим и ослепительно прекрасным, чтобы охватить его одним взглядом. Создавалось впечатление, что он тянется бесконечно: флигелям и окнам, башенкам и шпилям не было числа, пропорции их казались совершенными, и по шкале красоты это сооружение стояло гораздо выше всего, виденного мистером Фортиюном прежде. Дворцовые конюшни тоже были прекрасны: лошадка направилась напрямик туда и обнаружила полные ясли сена и овса, а также теплую сухую подстилку. Мистер Фортюн оставил свою коняшку счастливо жевать корм, а сам пошел к огромной входной двери.

Там он замер на мгновение, ожидая, что в таком дворце, наверняка, есть привратник или слуга, который его встретит, но никто не появился. Слегка удивленный, мистер Фортюн поднес руку к дверному молотку, выточенному из куска чистого золота и украшенному драгоценными камнями. Головка молотка была величиной с голову взрослого мужчины,

даже больше, и на вид весь инструмент казался невероятно тяжелым. Но стоило гостю прикоснуться к нему, как огромная дверь бесшумно растворилась, и мистер Фортюн вошел во дворец.

Он оказался в просторной зале, прекрасно обставленной и освещенной тысячей ярких свечей, отражения которых мерцали на всех гладких поверхностях. В огромном очаге пылал огонь. Мистер Фортюн поспешил к нему, чтобы обсушиться и согреться, — ведь он сильно замерз, и вся его одежда отсырела. В дальнем конце комнаты он заметил стол, накрытый на одну персону, с кушаньями, которые выглядели и пахли невероятно вкусно, так что трудно было устоять и не наброситься на них прямо с порога. «Кто бы здесь ни жил, он, возможно, предложит мне немного подкрепиться», — подумал про себя мистер Фортюн. Прошел час, пробило десять, но никто не объявился. Проголодавшийся мистер Фортюн не мог больше противиться искушению. Он сел за стол и устроил пир для себя одного — угощался лучшими яствами, какие когда-либо вкушал, и запивал их самым превосходным вином. После этого незваный гость ощутил сильную усталость, его разморило, а потому, чувствуя себя почти как дома, он поднялся по широкой лестнице в поисках постели. Быстро обнаружив дверь, за которой его взгляду предстала роскошная кровать с балдахином, он улегся на нее и мигом заснул.

На следующее утро мистер Фортюн пробудился поздно, чувствуя себя полностью отдохнувшим после столь продолжительного и крепкого сна. Только он собрался одеться, как с изумлением обнаружил, что его старое платье заменено на другой, причем самого модного кроя, костюм. Примерив обновку, мистер Фортюн обнаружил, что одежда сидит на нем так хорошо, будто сшита у лучшего портного и подогнана по фигуре специально для него.

— Ну что ж, — задумчиво проговорил мистер Фортюн, — это очень хорошо. Видно, я действительно везунчик от природы. — После чего он улыбнулся. — Или, может быть, тут обитает какая-то добрая фея, которой я с первого взгляда пришелся по душе.

Эта мысль позабавила мистера Фортюна. Он спустился по лестнице в главный зал и, отдавая должное обильному завтраку, который, видимо, был подан специально для него, заговорил с пустым пространством:

— Спасибо вам, добрая фея, за ваше щедрое гостеприимство. У вас прекрасный дом. Мне теперь нужно уезжать, но, прошу вас, загляните в наше скромное жилище, если когда-нибудь будете проезжать мимо, — сказав так и чувствуя себя очень бодрым, мистер Фортюн вышел из дворца, чтобы отыскать свою лошадку.

Путь до конюшни показался ему немного не таким, как вчера. Мистер Фортюн забрел в ту часть сада, которую еще не видел.